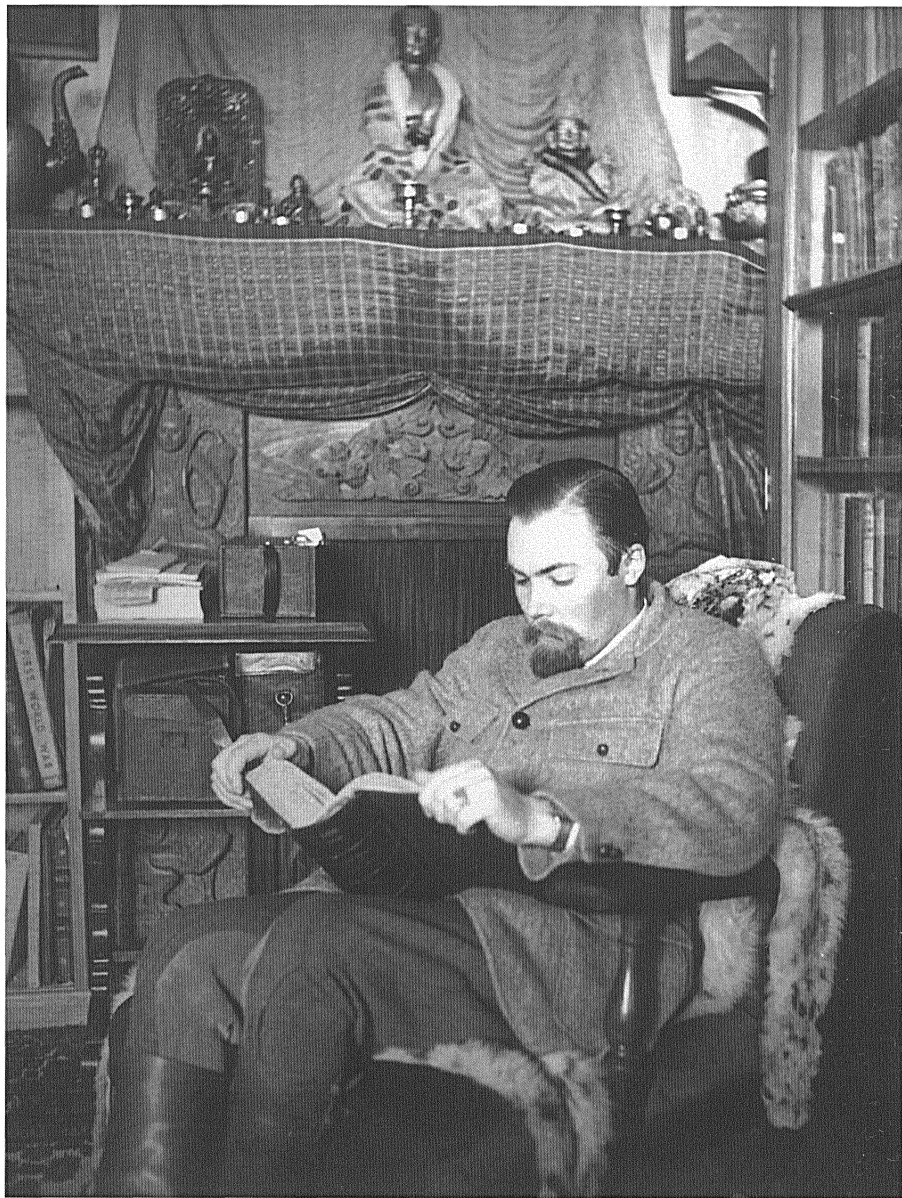

Ю.Н. Рерих в Кулу
1930-е годы

Ю.Н. Рерих

ТИБЕТ
И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

II

СТАТЬИ
ДНЕВНИКИ
ОТЧЁТЫ

Рассанта

УДК 93/99
ББК 63.3(5)
Р 42

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Под общей редакцией
д.и.н. В.А. Росова

Научные редакторы
д.и.н. М.Ф. Альбедиль, к.фил.н. К.Н. Яцковская

Ю.Н.Рерих

Р 42 Тибет и Центральная Азия. Т. II: Статьи. Дневники. Отчёты / Сост., предисл., прим. В.А. Росова. – М.: Рассанта, 2012. – 280 с., илл.

Публикуемый том продолжает издание избранных сочинений выдающегося отечественного востоковеда Ю.Н.Рериха. На его страницах собраны статьи и очерки, посвящённые кочевникам Центральной Азии, культурному прошлому народов Тибета, Монголии и Китая. Настоящим открытием являются дневники Тибетской и Маньчжурской экспедиций. Книга представляет интерес для историков, специалистов, изучающих Восток, и для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-904191-06-1

© Издательство «Рассанта», 2012

ЛИСТКИ ВОСПОМИНАНИЙ

Азия, Восток давно привлекали внимание Николая Константиновича. Интересовали его общие корни славянства и индоиранцев, восточные истоки древней Руси, красочный кочевой мир наших степей. И в художественном творчестве, и в научных исканиях художника Север, Русь с Великим Новгородом (ведь именно Рерих был зачинателем раскопок Новгородского Кремля) неизменно сочетались с Востоком, с кочевым миром Внутренней Азии, с миром древнеиндийской культуры и мысли.

Этим двум основным устремлениям художественного творчества и своего научного интереса Николай Константинович оставался верен всю свою творческую жизнь. Эти основные интересы его творчества навсегда остались как бы путеводными огнями его пути как художника и учёного.

Ещё в раннем юношестве явились к нему первые касания горного мира Внутренней Азии. Николай Константинович вспоминал, как ещё в эти годы его внимание привлекло изображение горного массива, висевшего в доме отца в Изваре. Это была Канченджонга («Пять сокровищ великого снега»), вторая по высоте вершина Гималаев, которую в дальнейшей своей жизни Николаю Константиновичу суждено было столь часто и подолгу созерцать и запечатлеть её на многих своих полотнах.

В доме отца Николая Константиновича частыми посетителями были профессора-монголоеды А.М.Позднеев и К.Ф.Голстунский, и с ранних лет своеобразный мир монгольской степи со всей присущей ей героикой рано вошёл в жизнь Николая Константиновича. Наваянные этим образы он выразил в своей поэме «Чингис-хан».

Степь и горный мир, нетронутая природа всегда влекли к себе Николая Константиновича, и эти ранние устремления крепнут, созревают и становятся неотъемлемой частью всей второй половины его жизни.

Но взор его устремляется дальше, и за снежными грядами Гималаев он видел равнины Индии, мысль и искусство которой давно и глубоко интересовали его. Ещё до Первой мировой войны вместе с археологом В.В.Голубевым обсуждает он планы археологических экспедиций в Индию, участвует в комитете по построению вихары, буддийского храма

в Ленинграде. Так закладывается фундамент будущей долголетней работы непосредственно в Индии.

В 1923 году Николаю Константиновичу удаётся осуществить многолетнюю мечту. После больших персональных выставок в Финляндии, Швеции, Дании, Англии и США, Николай Константинович отплывает из Франции в Индию, которая с этого времени на многие годы становится для него больше чем полем творческой деятельности, становится тем, что индийцы называют «кшетра» – «поле делания, жизненная битва».

В Индию он приносит весть о русской культуре, а сам глубоко проникает к истокам древнеиндийской культуры. Он изучает памятники прошлого, собирает легенды, наблюдает жизнь индийского земледельца, в которой находит много общего с нашим славянством, с русским крестьянским укладом. К этой исконной общности Николай Константинович возвращается многократно и в своих литературных произведениях.

С конца 1923 года Николай Константинович работает на Гималаях, и горный мир этой «Обители снегов» со всем его красочным блеском мощно захватывает его. Сиккиму, небольшому горному княжеству в Восточных Гималаях, расположенному у подножья горного массива Канчендзонга, посвящает он многие полотна и в проникновенных словах пишет об этой чудесной горной области:

«Два мира выражено в Гималаях. Один мир земли, полный здешних очарований. Глубокие овраги, затейливые холмы столпились до черты облаков. Курятся дымы селений и монастырей. По возвышениям пестрят знамёна, субурганы или ступы. Входы тропинок переплели крутые подъёмы. Орлы спорят в полёте с многоцветными змеями, пускаемыми из селений. В зарослях бамбука и папоротника спина тигра или леопарда может гореть богатым дополнительным тоном. На ветках прячутся малорослые медведи, и шествие бородатых обезьян часто сопровождает одинокого пилигрима. Разнообразный земной мир. Суровая лиственница стоит рядом с цветущим рододендромом. Всё столпилось. И всё это земное богатство уходит в синюю мглу гористой дали. Гряда облаков покрывает нахмуренную мглу. Странно, поражающе неожиданно после этой законченной картины увидеть новое надоблачное строение. Поверх сумрака, поверх волн облачных сияют яркие снега. Бесконечно богато возносятся вершины: ослепляющие, труднодоступные. Два отдельных мира, разделённые мглой.

Помимо Эвереста (Джомолунгма), пятнадцать вершин гималайской цепи превосходят Монблан. Если от Великой Рангит (река) осмотреть все подступы до снеговой черты и все белые купола вершин, то нигде не заподносится такая открытая стена высот. В этом грандиозном размахе – осо-

бое зовущее впечатление и величие Гималаев». (Николай Рерих. Струны Земли: Мысли в Сиккиме.)

Читая эти строки, вспоминаешь полотна «Помни», «Капли жизни», «Жемчуг исканий» из серии произведений, посвящённых Сиккиму. Для Николая Константиновича горный мир Гималаев становится в те годы особенно близким, ярким источником вдохновения. Художественные критики отметили это и называли его «мастером гор», отмечая этим новое направление в творчестве Николая Константиновича.

Для Николая Константиновича созерцание горного пейзажа не было просто любованием красотами природы. Оно отвечало его внутренним стремлениям глубокого проникновения в природу. Подобно старым китайским пейзажистам, сочетавшим глубокую философию с поразительным изобразительным искусством и чувством природы, Николай Константинович в полном смысле слова живёт этим горным миром. Он наблюдает его во все часы дня и ночи и изображает его на своих полотнах. Ранним утром наблюдает он восход, то, что тибетцы, эти истые горцы, образно называют «цэ-шар» – «сверкание вершин», когда снега загораются ослепительным светом в предраассветной мгле, которая медленно опускается в долины.

Он запечатлевает и яркую феерию заката, когда бесконечные горные гряды, подобно волнам моря, лиловеют в лучах заходящего солнца. Перед зрителем проходит вся гамма настроений горного мира: суровые недоступные вершины; область вечных снегов; облачное царство, скрывающее вершины во время летних дождей, когда туман на многие дни прячет от взоров красоту горной панорамы; грозные снежные бури, сопровождающие смену времён года. Все эти образы природы глубоко волновали Николая Константиновича. Он любил горы во всех их обликах: и в гнев снежного урагана, и в часы ночного бдения, когда в горах как-то особенно тихо.

Но для него уход в горы не был уходом от жизни. Подобно индусам, древним и современным, он черпал в горах силы для дальнейшей работы в миру. В горы он звал и молодёжь, звал к здоровой жизни среди природы. Для него научная работа, кроме её чисто исследовательского значения, имела и глубоко воспитательный смысл. Он часто говорил, как по необъятной территории нашего Союза пойдут молодые силы в поисках нового в Сибири, в горах Средней Азии, продолжая этим славные традиции русских землепроходцев, этих строителей государства, вышедших из свежей толщи народной.

С приездом в Индию для Николая Константиновича начался период его жизни, связанный с большими научно-художественными экспедициями во Внутренней Азии. В августе 1925 года Николай Константинович во главе

экспедиции, в которой приняла участие и его супруга Елена Ивановна, покидает Кашмир и направляется в Ладак, часть западно-тибетского нагорья, входящего в Индию. Из Ладака, по высочайшей в мире караванной дороге через перевал Каракорум, экспедиция направилась в Таримский бассейн, в древний Хотанский оазис, который в раннем Средневековье был одним из центров индийской буддийской культуры. В Хотане Николай Константинович приспосабливает под мастерскую загородный дом афганского аксакала (аксакал – торговый старшина) и пишет серию «Знаки Майтреи», на полотнах которой изображает буддийский мир легенд и суровую природу тибетского нагорья Чангчэмно («Великий Север», так называется северо-западная часть тибетского нагорья, к северу от Ладака).

Проведя почти целый год в Синьцзяне, Николай Константинович и его спутники направляются из столицы провинции г. Урумчи в Москву, откуда летом 1926 года посещают Алтай. Для Николая Константиновича Алтай на Севере и Гималаи на Юге были как бы полюсами единого грандиозного горного мира. Недаром дневники экспедиции, куда он заносил свои мысли, родившиеся во время странствования, были названы им «Алтай-Гималаи». Его мысленный взор охватывал весь необъятный простор Внутренней Азии от вершин Алтая (Белуха, массив Табун-Богдо в Монгольском Алтае) до вершин Гималаев. Характерно, что снежная вершина Гепанг, возвышающаяся над избранной Николаем Константиновичем для многих лет жизни долиной Кулу в Западных Гималаях, своими очертаниями живо напоминает далёкую северную Белуху.

С Алтая экспедиция направляется в Монголию, в столицу Улан-Батор, который становится базой для подготовки дальнейшего пути через монгольскую Гоби в Тибет. Здесь, в Монголии, путь экспедиции скрещивается с маршрутами прежних русских исследователей Центральной Азии – Н.М.Пржевальского и П.К.Козлова. После перехода через Монгольскую Гоби в провинцию Ганьсу (Западный Китай), экспедиция провела несколько месяцев в Цайдаме и горах Наньшаня, где много и плодотворно работала. В Цайдаме начинается наиболее трудная часть всей экспедиции – переход через Северо-тибетское нагорье, или Чантанг, суровую горную страну между хребтом Куньлунь на севере и Трансгималаями на юге. До верховий реки Нагчу (верховье Сальвина) путь экспедиции местами совпадал с путём Н.М.Пржевальского. В области западных хоров, одного из главных племён кочевников Северного Тибета, путь экспедиции был преграждён местными властями, и участники были вынуждены провести суровую, исключительно снежную зиму 1927-1928 гг. в крайне тяжелых условиях на высоте 5000 метров. Об этом трудном времени Николай Константинович писал в своём дневнике: «На наших глазах погибал караван.

Каждую ночь иззябшие голодные животные приходили к палаткам и точно стучались перед смертью. А на утро мы находили их павшими тут же, около палатки, и наши монголы оттаскивали их за лагерь, где стаи диких собак, кондоров и стервятников уже ждали добычу. Из ста двух животных мы потеряли девяносто два. На тибетских нагорьях остались и пять наших спутников».

На многих этюдах, привезённых Николаем Константиновичем из экспедиции, мы видим эту суровую природу тибетского нагорья. «Огни пустыни» воскрешают перед зрителем картину тибетского стана ранним утром перед восходом. Среди костров темнеют так называемые ба-нак («чёрные шатры») – палатки тибетских кочевников, сделанные из шерсти яка. На другом этюде мы видим летнюю палатку экспедиции, занесённую снегом и затерявшуюся среди снежного безмолвия нагорий.

После пяти месяцев стоянки экспедиция ранней весной 1928 года получила возможность продолжать путь на юг, единственный возможный для нас, принимая во внимание и состояние личного состава экспедиции, и немногих оставшихся в живых караванных животных.

Путь по области Великих Озёр, лежащий к северу от Трансгималаев, пролегал по местности, не затронутой прежними русскими экспедициями в Тибет и ещё мало известной в географической науке. Через горный пояс Трансгималаев, мощной горной системы, простирающейся к северу от реки Цангпо (Брахмапутра), экспедиция перешла в Южный Тибет, в бассейн Цангпо. Здесь рождается серия картин «Твердыня Тибета», изображающая замечательные памятники тибетского зодчества раннего Средневековья. Южный Тибет, прилегающий к северной границе Непала, изобилует памятниками прошлого, и многие из буддийских монастырей этой области представляют собой настоящие музеи древнеиндийского, непальского и тибетского искусства. Здесь был собран богатый научный материал.

В мае 1928 года экспедиция пересекла Великие Гималаи и вновь вернулась в Сикким.

Несмотря на все трудности пути, Николай Константинович привёз из экспедиции 500 полотен и этюдов. Кроме многочисленных зарисовок с седла, в тибетскую сюиту входят полотна, посвящённые народным легендам, богатому и красочному эпосу. Николай Константинович неоднократно возвращается к темам, связанным с монголо-тибетским национальным эпосом о царе Кэсаре (монгольский Гэсэр), поборнике социальной справедливости, с именем которого в Тибете связаны мечты о светлом будущем народа. Ещё по сей день на скалах и камнях высекают пастухи-кочевники символы, связанные с культом народного воителя – изображения мечей и горных козлов. Во время экспедиции Николаю Константиновичу удалось

обследовать многие мегалитические памятники к северу от Трансгималаев, а также кочевое искусство, характерной чертой которого был «звериный» стиль, столь типичный для кочевого искусства всей Внутренней Азии и бытовавший среди кочевых племён различного этнического корня.

1929 год был годом необычайно интенсивного строительства в жизни Николая Константиновича. Музей его имени в Нью-Йорке переходит в новое здание. Основывается Институт Гималайских исследований в долине Кулу в Западных Гималаях. Задачей института было всестороннее научное исследование гималайской горной страны и смежных областей тибетского нагорья. Этот институт, по мысли Николая Константиновича, должен был стать своего рода выдвинутой в горы комплексной экспедицией, причём исследования должны были носить всесторонний характер, охватывая как природу, так и человека, населяющего эту область. Ведь задачи научного обследования гималайской горной страны требовали многолетних работ на местах, чего не могли дать сравнительно кратковременные экспедиции.

Основная база института была организована в долине Кулу в верховьях р. Беаса в Пенджабе (Индия). На высоте 2000 метров, на горном круче над рекой Беас, в окрестностях бывшей столицы княжества Кулу – Наггаре («наггар» соответствует русскому «вышгороду») стоят здания института.

Здесь с 1930 по 1942 гг. проводились научные работы, пока события Второй мировой войны не заставили временно приостановить деятельность. Институт Гималайских исследований состоял из двух отделений: ботанического и этнолого-лингвистического, которое также занималось изучением и разведкой археологических памятников. Ежегодно, в начале лета, когда делались проходимыми перевалы, на тибетское нагорье и в высокогорные пояса Гималаев направлялись экспедиционные отряды. Так в течение ряда лет были обследованы области Ладак, Зангскар, Рупшу, Ханлэ, Спити, Гаржа-Лахул. Многие годы работала летняя база института в окрестностях Кьеланга в Гаржа-Лахуле, в долине реки Бхаги. В октябре отряды сотрудников института возвращались на свою основную базу в долину Кулу и проводили зимние месяцы в разработке собранных исследований. Некоторые продолжали работу в предгорьях Гималаев, в долине Кангра и на склонах хребта Сивалик. Были собраны богатые ботанические коллекции, в разработке которых приняли участие доктор Е.Д. Меррил, директор ботанического сада в Нью-Йорке, и сотрудники Музея естественной истории в Париже. В Париже изучение ботанических сборов проходило под наблюдением профессора П. Лемуана, директора Музея естественной истории. Многие годы с ботаническим отделением института сотрудничал ныне покойный индийский ботаник, профессор Шив Рам

Кашьяп (Пенджабский университет). Обмен коллекциями был установлен с Академией наук СССР, с Биологическим институтом в Пекине.

Не остался институт чужд и проблеме изучения космических лучей в высокогорных условиях. В третьем томе Ежегодника института этому вопросу посвящена статья профессора Бенаде (Форман колледж, Лахор).

Была собрана и богатая коллекция тибетской фармакопеи, причём в этих многолетних работах приняли ближайшее участие и тибетские ламы-лекари. Сотрудники института составили индекс тибетских лекарственных трав. Так была заложена необходимая база для дальнейших исследований в этой области.

В области лингвистики Институт специально занимался изучением тибетских наречий гималайского горного пояса и смежных районов тибетского нагорья. Институтом была издана работа автора этих строк, посвящённая тибетскому наречию гаржа-лахул, принадлежащему к группе западно-тибетских наречий. Одновременно собирались этнографические коллекции, иллюстрирующие культуру и быт различных племён гималайской горной области и Тибета.

Институт, руководимый Николаем Константиновичем, внёс крупный вклад в дело познания Гималаев. Картины же Николая Константиновича на гималайские сюжеты, равно и его литературные произведения пробудили интерес к Гималаям. Сюда начали направляться многочисленные экспедиции.

Начало Второй мировой войны прервало мирный труд сотрудников института. Надвигающиеся события с тревогой наблюдал Николай Константинович. И вот, в 1930 году он выдвинул идею Знамени мира для охраны культурных памятников во время войны. Как известно, этот Пакт был подписан в 1935 году и явился основой для международной конвенции, подписанной в 1954 году в Гааге.

Смерть застала в 1947 году Николая Константиновича среди призывов к возвращению на Родину, которой он не переставал служить, оставаясь до последнего часа жизни русским.

Москва, 1960

*Приключения в горах. Литературно-художественный альманах. М., 1961.
Публикуется в авторской редакции.*